

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-9-23

Н.А. ДворяшинаСургутский государственный педагогический университет,
628417 г. Сургут, Российская Федерация

«И откуда что брала»: народная поэзия в репертуаре русской няни

Аннотация. Статья продолжает тему, поднятую в нашей предыдущей публикации, – феномен русской няни как знатока и носителя произведений устного народного творчества (см.: Литература в школе. 2021. № 1). Цель исследования – выявление фольклорного репертуара детских наставниц, постижение его роли в эмоциональном, нравственном, творческом развитии воспитанников, осмысление воздействия народной поэзии на их жизненные судьбы. Методологически статья базируется на комплексном подходе, включающем использование биографического, историко-культурного, историко-литературного и феноменологического методов. Анализ имеющихся источников позволил прийти к следующим результатам: 1) большинство из русских нянь обладали способностью постижения эстетического очарования произведений народно-поэтического искусства и творческим даром их исполнения; 2) таких хранительниц детства отличал свой фольклорный репертуар; 3) владея даром импровизации, они нередко подвергали его художественному преобразению; 4) няни знали и использовали в своей педагогической практике поэзию пестования (колыбельные песни, пестушки, заговоры-шутки, потешки, прибаутки, докучные сказки); 5) любимыми жанрами воспитательниц, а вслед за ними и детей были эпические произведения устного народного творчества, среди них – сказки, особенно волшебные; 6) талантливые няни, понимая душу народа-художника и ценя красоту его устной словесности, умели одарить этим наследием и своих питомцев, оказывая тем самым существенное влияние на нравственные основы их жизни, на формирование характеров и выбор жизненного пути. Их опыт, не утрачивая со временем своей плодотворности, способен стать хорошим помощником для любого педагога, а учителя-филолога особенно, в постижении вместе с учениками «чарующего мира» русской народной поэзии.

Ключевые слова: няня, народная поэзия, репертуар, детский фольклор, сказки, развитие детей

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Дворяшина Н.А. «И откуда что брала»: народная поэзия в репертуаре русской няни // Литература в школе. 2021. № 4. С. 9–23. DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-9-23

DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-9-23

N.A. Dvoryashina Surgut State Pedagogical University,
Surgut, 628417, Russian Federation

“Where she took it all”: Folk poetry in the Russian nanny’s repertoire

Abstract. The article continues the topic raised in our previous publication, – the phenomenon of the Russian nanny as a holder and keeper of verbal folklore. The objective of our research is to identify the folklore repertoire of children’s mentors, to understand its role in the emotional, moral, and creative development of children, to understand the impact of folk poetry on their lives. Methodologically, the article is based on an integrated approach, which includes the use of biographical, historical-cultural, historical-literary and phenomenological methods. The analysis of available sources allowed us to conclude the following: 1) most of the Russian nannies had the ability to comprehend the aesthetic charm of the works of folk poetic art and the creative gift to perform them; 2) such guardians of childhood were distinguished by folklore repertoire; 3) owning the gift of improvisation, they often subjected it to artistic transformation; 4) nannies knew and used the poetry of singing in their pedagogical practice (lullaby songs, nursery rhymes, rite jokes, playful verses, humorous verses, cyclical tales); 5) favorite genres of teachers’, and of children’s after them, were epic works of verbal folk art, among them – fairy tales, especially magical; 6) understanding the soul of the artistic people and appreciating the beauty of their verbal folklore, talented nannies were able to give this heritage and to their nurslings, thereby having a significant impact on the moral foundations of their lives, on the formation of characters and the choice of life path. Their experience, without losing fruitfulness over time, is able to become a good assistant for any teacher, and a philologist teacher, especially, in understanding of the “charming world” of Russian folk poetry together with students.

Key words: nanny, folk poetry, repertoire, children’s folklore, fairy tales, child development

CITATION: Dvoryashina N.A. “Where she took it all”: Folk poetry in the Russian nanny’s repertoire. *Literature at School*. 2021. No. 4. Pp. 9–23. (In Russ.). DOI: 10.31862/0130-3414-2021-4-9-23

«Олицетворением поэзии детской (здесь и далее выделено нами, кроме специально оговоренных случаев. – Н.Д.) доброго старого времени» назвал

русскую няню философ Е.Н. Трубецкой [9, с. 317]. Поэзия в своем первоначальном смысле означает «искусство слова вообще» [5, с. 293]. Е.Н. Трубецкой

как раз и отметил одно из важнейших свойств личности воспитательниц из народа – их искусство владения образным словом, которое вносило в жизнь детей творческое, художественное начало, эмоционально обогащало ее. Почти каждый из авторов мемуаров или художественных произведений, в которых запечатлены образы «часовых» у детских, обратил внимание на их знание фольклорных произведений, способность заинтересовать, увлечь ими маленьких слушателей.

В книге воспоминаний О.С. Лодыженской «Ровесницы трудного века. Страницы семейной хроники»¹ дан поэтический портрет любимой няни ее семьи:

В далеком призрачном тумане,
Где все прошедшее живет,
Фигурка нашей милой няни
Так живо предо мной встает.
Она всегда полна заботы
То об обеде, то о нас.
И есть задумчивое что-то
В спокойном блеске серых глаз.
*По вечерам с привычной лаской,
Под легкое брэнчанье спиц
Она нам говорила сказки
Про золушек и про цариц.
Про то, как королевич стройный
Был скромной девушкой пленен.
И речь ее лилась спокойно,
Вплетаясь в мирный детский сон.*

[6, с. 21]

Репертуар няни, конечно же, не ограничивался только сказками. Владели эти даровитые натуры и многими другими фольклорными жанрами. Восхищаясь талантом Арины Родионовны, А.С. Пушкин с удивле-

нием воскликнул: «Мастерица ведь была / И откуда что брала» [10, с. 299]. Понятно это чувство поэта. Были детские наставницы людьми неграмотными (за редким исключением), не получившими не только специального, но и общего образования. Однако, будучи с малых лет погруженными в жизнь народа, постигая ее во всем многообразном проявлении, они напивались в том числе и ее поэтическими образами, а потому и знали немало произведений из народной поэзии, умели занять своими рассказами отданных им на попечение ребятишек. Талантливость же и художественная память наставниц способствовали не только сбережению этих культурных ценностей, но и их творческому преобразению в устном слове, обращенном к детям.

Мемуарные источники, художественные произведения отечественной словесности дают богатый материал для изучения жанрового разнообразия народной поэзии в репертуаре русской няни. Специальных работ по этой проблеме на настоящий момент нами не выявлено, поэтому целью нашего исследования и является анализ репертуарного состава произведений народного творчества, которым владели няни, осмысление того, чем привлекали они юных слушателей, как воздействовали на чувства детей, их восприятие жизни, нравственное развитие, даже будущую судьбу. Методологически статья базируется на комплексном подходе, включающем использование биографического, историко-культурного, историко-литературного и феноменологического методов.

У каждой из русских нянь-рассказчиц была своя совокупность любимых произведений народной поэзии.

¹ О.С. Лодыженская работала главным библиографом Книжной палаты. Ее воспоминания были записаны в начале 1970-х гг., издали в 2017 г.

Бытовал в ней, что закономерно, детский фольклор, ибо чаще всего растили они деток с младенчества: забавляли несложными играми, купали, укладывали спать, добрым словом вводили в новый день... Звучали в нянином исполнении колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки – та поэзия пестования, которую известный специалист по детскому фольклору М.Н. Мельников назвал «удивительно тонким и гибким инструментом народной педагогики» [7, с. 15]. Эти поэтические творения народа, по его словам, «на протяжении многих веков <...> не только учат, совершенствуют разум, воспитывают нравственно, но и доставляют ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение детям» [Там же, с. 16].

Знали няни, как помочь ребенку в его закономерной потребности сна, отдыха, а потому и находили необходимые, ритмически организованные строки – колыбельные песни, исполняя их с учетом детского восприятия образов, мелодии, ритма, смены звуков. В исторических этюдах «Русская женщина XVIII столетия», опубликованных в 1895 г., писатель, историк быта, краевед В.О. Михневич, повествуя об особенностях детской жизни своих героинь, привел такое свидетельство влияния няни не только на конкретного человека, но, по его словам, и «на воспитание целых поколений “русских культурных” людей»: «Вечером, укладывая меня в постель, она тихо творила молитву перед образом, крестила меня, брала стул и садилась подле; клала на меня руку, чтобы я, засыпая, не встрепенулась, и начинала или рассказ, или песню, как у коты колыбель хороша, а у меня и получше его, или как ходит кот по лавочке, водит кошку за лапочки, и я, не спуская с нее глаз, засыпала...»

[8, с. 47]. В упомянутых колыбельных их исполнительница обращается к одному из характерных для этого жанра образов, реальному и знакомому ребенку существу, которое всегда утепляло пространство дома в России и было любимо в нем. С другой стороны, этот «персонаж» наделен человеческими свойствами, живет жизнью, близкой младенцу, но все же уступающей в своем «достатке» слушателю этих песен. И это сопоставление в пользу малыша, благодатное и целительное для эмоционального состояния, не могло не радовать его. М.Н. Мельников приводит несколько вариантов текста такой колыбельной. В наиболее полном из них от образа к образу закрепляются все достоинства счастливой жизни маленького человека: «У коты ли, у коты / Колыбелька золотá, / У дитяти моего / Есть покрасе его. / У коты ли, у коты / Периночка пуховá, / У моего ли у дитяти / Да помягче его. / У коты ли, у коты / Изголовья высокá, / У дитяти у моего / Да повыше его. / У коты ли, у коты / Одеальца хорошá, / У дитяти моего / Есть получше его. / У коты ли, у коты / Занавесочка чистá, / У моего ли у дитяти / Есть почище его. / Есть почище его / Да покрасе его. <...> / У коты ли, у коты, / Коты серенького, / Коты серенького / Лапки меленькие, / Глазки серенькие, / У моего ли у дитяти / Личко беленькое, / Глазки серенькие, / Ручки беленькие» [7, с. 158–159]. Важны в поэзии этого рода те особые любовь и ласка, которыми пронизаны ее образы и которые направлены на дитя. Они создаются обилием слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, выразительными эпитетами, подвижным ударением, самым «мягким» ритмом стиха, его мелодикой.

А.В. Верещагин, писатель, брат знаменитого художника, рассказывая

о пестуны своей семьи, писал: «...няня убаюкивает сестру Машу, которая лежит в маленькой деревянной кровати с высокими черными стенками, и тихим, заунывным голосом, покачивая в такт головой, поет знакомую мне песенку:

И на дворе овеч-ка-а спи-ит,
Да хоро-ошохо-онько лежит.
Бай, бай, почивай,
Да глаз сво-оих не откры-ывай».

[9, с. 184]

Ассонансные повторы рождали умиротворяющую мелодию, при этом звуки сознательно растягивались, создавая то благозвучие, которое успокаивало и усыпляло дитя.

Но произведения этого жанра никогда не ограничивались только задачей убаюкивания ребенка, постепенного, «безболезненного перевода» его «из состояния бодрствования в сон» [7, с. 19]. В том-то и дело, что в колыбельных песнях русские няни, мамы, бабушки нередко выговаривали, выпевали свои жизненные печали, тревоги, не отделяя тем самым и маленьких членов семьи от общей жизни в доме, ее проблем и трудностей. И проникался ребенок заботами, хозяйственными нуждами всех домочадцев, вбирая вместе с этим и живое слово народа.

Впечатления начальных дней детства у воспитанников русских нянь подчас были настолько сильными, что оказывали определенное влияние на их профессиональные интересы, как это, например, произошло с будущей выдающейся русской актрисой О.О. Садовской. Ее учителями в «школе народного искусства» были и сама Москва с ее «нерастраченными сокровищами русской речи», и ее отец – замечательный исполнитель народных песен, и, конеч-

но, няня, благодаря которой, в определенной мере, особенно удавалось Ольге Осиповне, по отзыву современника, «проникать в глубину сердца женщины из народа» [2, т. 3, с. 173]. В создании необходимого образа помогали актрисе и трогательные по своим переживаниям *колыбельные песни*. Так, например, произошло с ее ролью в пьесе А.Н. Островского «Воевода»: «Но что за звуки, – писал С.Н. Дурьлин, – доносились от убогой колыбели, которую в полумраке уныло качала старуха-крестьянка:

Баю-баю, мил-внучоночек!
Ты спи-усни, крестьянский сын!
Нас Бог забыл, царь не милует,
Люди бросили, людям отдали.
Нам во людях жить, на людей служить,
На людей – людям приноравливать!

Садовская только сидела, пела и качала колыбель, – пела старушечьим, увядшим голосом, но в ее голосе, в хватающем за душу покорном напеве ее песни было что-то до того трагическое и вместе с тем простое, несомненно правдивое, что, казалось, в этой люльке лежит не “мил-внучоночек”, “крестьянский сын”, а вся Русь...» [2, т. 3, с. 203]. Игра актрисы, передававшая боль и страдания ее героини, «неотразимо» воздействовала на зрителей. Сохранились свидетельства о том, что некоторые из коллег Садовской по театру буквально «рыдали» в такой момент: так «хватало за душу» ее исполнение всего-то колыбельной песни... [Там же, с. 204].

Русскую няню не случайно называли пестуницей: от глагола *пестовать*, что означает «...нянчить, носить, вынашивать на руках ребенка, воспитывать, рожать, холить, ходить за ним...» [1, с. 1445]. Для этих целей няней всегда были припасены из репертуара народной

педагогике специальные короткие песенки – *пéстушки*. Таковую пестушку, услышанную в нежном возрасте от своей кормилицы-няни – Евгении Борисовны Петушковой – «калужской песельницы и сказочницы», сохранил в памяти писатель А.М. Ремизов: «...Я помню, как, распеленутый, корчу ноги, задирая к лицу – дети это любят, чтобы руками себя за ноги ловить, еще не отличая своего, а она рукой меня *тихонько* по груди и по животу, *тихонечко*: “*Потягунушки – повалянушки!*” Рука жесткая, и немножко щекотно» [11, с. 25]. Ремизов не приводит полностью эту незамысловатую песенку² няни, но в его описании самой «песельницы» переданы ее бережность по отношению к ребенку, забота о нем, а в повторении, по сути, одного слова – «*тихонько*», «*тихонечко*», характеризующем интонацию нянинного голоса, еще и деликатность ее обращения с малышом, понимание его потребностей, физических и психологических особенностей маленького человека. Вот и холили детишек няни и телесно, и словесно.

А сколько добрых эмоций, радости, светлых надежд дарили ребенку близкие к пестушкам, «полные наивной простоты и обаяния *заговоры-шутки*» [7, с. 41]. Эти счастливые мгновения своей детской жизни сберег в памяти С.Н. Дурьлин. Он запечатлел, как, например, поддерживали, умиротворяли его, маленького, в беспокойные для него минуты купания нянины присловья: «Но вот мытье мое конечно. Няня ставит меня на ноги в ванне. И высоко надо мною протягивает медный кувшин с теплой водой. Она

медленно льет на меня воду, смывая левой рукой мыльную пену и весело приговаривая:

Лей, кубышка,
Поливай, кубышка,
Не жалеи, кубышка,
Царского добришка!

Она не жалеет “добриска” – и я счастливо жмурюсь под теплым потоком» [2, т. 1, с. 203]. Ребенок обласкан, окутан любовью, с ним его Ангел-хранитель – об этом тоже говорит ему няня, сама представляющая подобным защитником. И вот его состояние: «Я лежу, спокойный, счастливый, согретый изнутри и снаружи» [Там же, с. 203]. Умела няня одарить ребенка счастьем, всю его душевную просветляющим. Важными помощниками в таком дарении оказывались произведения устного народного творчества.

Проникнутое заботой доброе слово няни умиротворяло, согревало жизнь детей, но могло и развлечь их, повеселить, позабавить. И здесь приходили на помощь другие жанры детского фольклора – разного рода *прибаутки*. Иногда они были настолько неожиданными, яркими, забавными, что оставались в памяти на всю жизнь, вносили в нее творческий задор, рождали особое вдохновение.

Та же О.О. Садовская услышанную от няни *прибаутку-перевертыш* «Поросеночек яичко снес» весело исполняла в спектакле на сцене Малого театра, благодаря чему образ ее героини-свахи ошеломлял зрителей своей правдивостью, чудесным звучанием русской речи, задорной шуткой. В нашей семье перевертыш с «поросеночком» запомнился со слов бабушки: «Где это видано, / Где это слыхано, / Чтобы курочка бычка принесла, / Поросеночек яичко снес, /

² Она имеет в записях фольклористов разные варианты. Вот один из них: «Потягунюшки, порастунюшки, / Поперек толстунюшки, / А в ножки ходунюшки, / А в руки фатунюшки, / А в роток говорок, / А в голову разумок» [7, с. 38].

На печи петух объягнулся, / Сковородник нарумянился, / Саврасуха цыплят выпарила, / По загуменью выводила». К.И. Чуковский называл этот шуточный жанр «лепые нелепицы», считал «умственными играми», отмечая их важную роль в развитии детей: «Вовлекая ребенка в “перевернутый мир”, мы не только не наносим ущерба его интеллектуальной работе, но, напротив, способствуем ей, ибо у ребенка у самого есть стремление создать себе такой “перевернутый мир”, чтобы вернее утвердиться в законах, управляющих миром реальным» [15, с. 448, 469]. Действительно, происходящее в прибаутке невероятно смешит, приписывание тому или иному животному, явлению не свойственных ему функций забавляет, доставляет ребенку удовлетворение, ибо понимание несуразности представленного в таких нелепицах придает ему уверенности в собственных знаниях, свидетельствует о его уме и личных возможностях, повышает самооценку, воспитывает чувство юмора.

Няни, бабушки, матери – все те, кто выхаживал детей, часто обращались к *докучным сказкам* – «шуткам-балагуркам сказочного характера, которыми <...> развлекают детей или стараются отбить у них чрезмерный интерес к сказкам. Докучная сказка предлагается вместо сказки» [7, с. 51]. Их еще справедливо называют «сказочками-издевочками» [Там же]. Они всегда вызывают у детей особую эмоциональную реакцию, в которой соединяются и ожидание интересного, и недовольство от услышанного, и требование подлинной сказочной истории, и веселость от няниной словесной игры-шутки, самой ее манеры рассказывания.

Любила потешить своих питомцев такими «сочинениями» няня

С.Н. Дурылина. С тех детских лет они и сохранились в его памяти: «Сумерки ползут в комнату через три окна, откуда их засылает зимняя навечерь: сумерки липнут к столу, к лежанке и пускают серый густой дым в углы комнаты.

– Няня, скажи сказку!

Няня, отложив спицы с чулком и зевнув, начинает:

– Жила-была...

Так может начинаться длинная-длинная сказка. Страшная, тягучая, от которой бьется сердце и занимается дух: вот такой-то и хочется в этот сумеречный тихий получас.

Но няня делает хитрое лицо и продолжает:

... ба́бища,
Вздумала париться.
Взяла пук мочáла,
Не начать ли сначала?

Мы громко изъявляем недовольствие на “ба́бищу”. Мы чуем в этой докучной присказке какую-то насмешку над сказкой и кричим:

– Няня! Скажи сказку! *Этих* не надо!

Этих – значит таких вот присказок: потому что были и другие – про царя и пр. Мы требуем настоящую сказку» (курсив С.Н. Дурылина. – *Н.Д.*) [2, т. 1, с. 215].

При всем своем первоначальном неприятии, со временем докучные сказки начинали цениться детьми, вводились в игры: им нравилась возможность с их помощью самим позабавиться и над младшими по возрасту пошутить. «Сказочки-издевочки» развивали чувство юмора, речевой выразительности, способствовали постижению народной мудрости.

И все же самыми запомнившимися мгновениями в жизни воспитанников русских нянь были те, когда

эти мастерицы погружали их в богатый мир народной фантазии, обращаясь в своих рассказах к *эпическим произведениям* разных жанров, которые, по справедливому заключению ученых-фольклористов, «могут исполняться то как сказки, то как легенды, предания, былины, баллады, бывальщины»³. Конечно, адресуя их своим слушателям, не знали няни всех тонкостей жанровой специфики рассказов, с которыми шли к детям. Но одним были близки волшебные богатырские повести, древнерусские книжные сказочные произведения, другим – сказки о животных или бытовые, третьим – волшебные, с их поражающими детское воображение образами. Были среди нянь любительницы разного рода суеверных повествований – быличек и бывальщин, а кого-то привлекала вообще вся палитра сказочного вымысла. Об этом можно судить по мемуарным, художественным свидетельствам их питомцев.

Образы няни-рассказчицы и детей, внимающих ее историям и эмоционально откликающихся на них, переживающих поистине «блаженное состояние» от погружения в чудеса сказочного мира, живописно нарисовал в рассказе «Запутанное дело» М.Е. Салтыков-Щедрин: «Притаились дети вокруг стола в узкой и низенькой детской; молчат они и не пошевельнутся <...>; все мускулы на этих полных жизни личиках выразили какое-то напряженное внимание; тусклый и трепещущий свет разливал кругом давно забытая и страшно нагоревшая светильня сальной свечи; обычно тихо и мерно дрожит древний голос древней няни с мед-

ными и круглейшими самого круга очками на носу и с незапамятных времен начатым чулком в руках, старую сказку о *Змее Горыныче*... Люблю я это морщинистое лицо старой няни, люблю ее желтые костлявые руки, люблю ее уверенность, будто она действительно вяжет чулок, между тем как на деле только спускает одну петлю за другою; люблю ее воодушевление, ее сочувствие к высокой добродетели *Полкана-богатыря*, *Бовы-королевича*; люблю ее движение, когда она, внезапно помолодев и озаренная какою-то юною силою, стучит дряхлым кулаком по столу, приговаривая: «Дернет Полкан-богатырь за руку – рука прочь; схватит за голову – голова прочь»... И сжимается детское сердце страхом великим, и сочувствует *Илье Муромцу*, следит за борьбой его с страшным *Соловьем-разбойником*, и робко вглядываются зоркие глазки в темный угол комнаты, высматривая, нет ли там *Бабы-яги*, не затаился ли где-нибудь ехидный *Змей Горыныч*, и весело смеются и хлопают дети в ладоши, когда няня неопровержимыми доводами доказывает им, что *Змей Горыныч* давно околел и издох, гадина, стараниями разных добродетельных витязей... И сладко засыпают они, резвые дети, и самые розовые мечты убаюкивают юные воображения их...» [12, с. 203–204]. Этот пример важен еще и потому, что он позволяет лишний раз убедиться в том, каким разнообразием фольклорных произведений владели русские няни: помнили и могли рассказать детям волшебные героические сказки, в которых герой сталкивается с волшебной силой, волшебные богатырские повести, былины – народные эпические песни о важных эпизодах отечественной истории, воинах и защитниках Руси.

³ Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: учебник для высших учебных заведений. М., 1998.

Атмосферу вечеров со сказками, поведенными наставницами, сохранили в памяти, а потом и рассказали о них в мемуарах многие авторы. Младший брат Ф.М. Достоевского, вспоминая о своей няне Лукерье, писал: «Она является, усаживаемся все в темноте на стулья, и тут начинается рассказывание сказок. Это удовольствие продолжается часа по три, по четыре, рассказы передавались почти шепотом, чтобы не мешать родителям. Тишина такая, что слышен скрип отцовского пера. *И каких только сказок мы не слыхивали, и названий теперь всех не припомню; тут были и про Жар-птицу, и про Алешу Поповича, и про Синюю бороду, и про многое другое. Помню только, что некоторые сказки казались для нас очень страшными*» [9, с. 154].

Заметим, что волшебное, героическое, страшное и трагическое, пришедшее из разных источников, в равной степени осваивалось нянями и передавалось «выходкам». А поскольку были они «мастерицами» в рассказывании всех этих историй, то приносили в них свои собственные оценки персонажам, их характерам, свою трактовку их поведения. Этнограф, фольклорист А.В. Потанина вспоминала: «Умела нянька также рассказывать и сказки. В ее устах все эти Иванушки-дурачки получали различные оттенки индивидуальности, в каждой сказке она умела придать им своеобразную окраску. Один был совсем наивный дурак, другой – с хитростью, третий – с упрямством, озорной дурак. Были также и трогательные рассказы. Больше всего я любила рассказы о царевне-лягушке, о том, как она, в качестве жены младшего Ивана Царевича, завоевала себе все симпатии, и как муж сжег ее шкурку и за это должен был искать ее по белу свету...» [Там же, с. 192].

Замечательный пример того, как няня становилась соавтором созданного народом сказочного мира, привела в своей книге «Забятая сказка. Письма об ушедшей любви, об ушедшей России» писательница М.В. Имшенецкая – представительница первой волны русской эмиграции. Свое повествование она начинает с рассказа о няне *Карповне*, оставившей «неизгладимый след» на жизненном пути Татьяны – главной героини произведения. В свидетельстве Имшенецкой передан удивительный по образному видению мира, богатству речи творческий дар этой няни: «Чего бы ни коснулась моя талантливая рассказчица, она мастерски рисовала ребенку происходящее и властно вела за собой. У нее не было мертвых слов. Все ярко жило, казалось действительностью. Она заставляла Вас участвовать, присутствовать и переживать. Вот, например, ее описание в сказке “Иван Царевич и Серый Волк” бури, которой в книжке нет. “И послал злой колдун вдогонку беглецам бурю. Бежит, торопится первый гонец, небольшой ветерок, листики собирает, вперед себя посылает. Второй, посильнее, в кучки, в столбики, а третий, самый свирепый, как свистнет, как завоет, да все листики с пылью, с сосновыми иголочками кверху воронкой по всему лесу распушит, закрутит завируху, ну и пошла потеха. Тоненькие березки, молодяжник, к земле клонятся, листики трепещут, обрываются, от родимого деревца уносятся. Осина стонет, поскрипывает, ей всегда тяжело – Иудой опоганена. Загудели, зашумели сосны старые. Травушка низко ковром стелется. И завыло лесное зверье, заметалось, берлог своих найти не могут. Кружатся, мечутся пичуги большие и малые, растеряли свои гнездышки. Обломали

крылышки, замертво на землю падают, около деток, насмерть разбившихся. А ветер шнырит, подхлестывает, во все щелочки залезает, сосновые шапки друг о друга стучает. По лесу гул идет, а нечисть хохочет, улюлюкает. Расколосась старая сосна, преградила путь. Замертво пал конь, царевна на земле очутилась...” и т.д. Любила Карповна трагические места, рискованные положения, безвыходность» [4, с. 8–9]. Даже этот небольшой фрагмент рассказа поражает мастерским владением няней интонационными особенностями сказочного повествования, создающими нужный эффект, в том числе и за счет инверсии; впечатляет выразительными глаголами, обилием слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, вносящими в повествование лирическую ноту, использованием такой характерной для этого жанра риторической фигуры, как тавтология, способствующей усилению эмоционального звучания речи.

Очевидно, что детей притягивали, согласно определению С.Н. Дурылина, «настоящие» сказки, а из них запоминались и вызывали живую эмоциональную реакцию прежде всего те, которые несли в себе непонятное, подчас и страшное, тревожили детское воображение. В воспоминаниях о своей няне Сергей Николаевич воспроизвел ее подход к известным сказочным сюжетам, дар импровизации, языковую, интонационную самобытность изложения, которые формировали и детские впечатления. Будучи городским человеком, «няня Поля» по-своему трансформировала сказки, создавая из них произведения, приближенные к реальной жизни тех, кто ее слушал. Вот как, например, воспринимали дети одно из таких ее повествований: «Обычная сказка, – вспоминал писатель, –

русский деревенский мальчонка Лутонюшка, перехитривший Бабу-ягу, – была в нянинных устах совсем не сказкой, хорошо нам известной и издавна любимой, а была *повестью* о действительно, бывалом и таком возможном, что вот-вот могло случиться с нами, купеческими детьми, в Плетешках⁴.

Баба-яга,
Костяная нога.
Руки жилистые...

Нам стоило обернуться к окну, чтоб увидеть ее.

Окно выходило в узкий закоулок нашего сада, за ним был опушенный снегом забор, за забором – чужой сад, занесенный снежными буграми, а за бугром старый дом, а в нем – видно было в окно – топилась русская печь. Ее широкое жерло пылало ярким, бурным пламенем, и какая-то горбатая старуха, в черном шлыке, возилась с ухватами, ввергая в горячий пламень черные горшки и котлы.

– Горят огни горячие.
Кипят котлы кипучие, –

сказывала няня. Да какое же могло быть сомнение: вот они, эти огни, вот эти котлы за окном. Мы жались от страха друг к другу – и в сердце закрадывалось невольное опасение: Лутонюшка-то перехитрил Бабу-ягу и не попал в горластую печь с пылающим жаром, – так он был молодец, славный мальчик, – а я? А мы?

Няня никогда не уверяла, но и не разуверяла нас в том, что старуха в шлыке не Баба-яга, а стряпуха, почему-то в этот сумеречный час всегда

⁴ Плетешки – Плетешковский переулок в Москве, где С.Н. Дурылин провел свои детские годы [2, т. 1, с. 53–57].

топившая русскую печь, и что горшки, что метала она в пламя, не с ягиной снедью, не с человечинкой, а с грешневой кашей и со щами, – и сказка о Лутоне превращалась для нас в повесть о том, что было с ним, крестьянским мальчиком, а может быть и с нами, купеческими детьми» (курсив С.Н. Дурылина. – *Н.Д.*) [2, т. 1, с. 216–217]. Дети оказывались не только слушателями этих завораживающих историй, но и невольными участниками происходящего, принося поэзию в обыденное. Сказка связывала детские переживания с самой жизнью, с тем сложным и трудным, с чем возможна и у них встреча, которая потребует уже их собственного, а не сказочного персонажа, решения.

Конфликт доброго и злого в волшебном мире народного искусства слова, нелегкие испытания, выпадающие на долю главных героев, торжество справедливости, наказание злодеев и чудесное спасение обиженных, сама поэтическая стилистика таких произведений – все впечатляло детей, вызывая соответствующую эмоциональную оценку, в которой, с одной стороны, появлялась готовность отозваться на чужую беду, воспрепятствовать злу, а с другой, – рождалась уверенность в возможности преодоления жизненных бед и несчастий. Таким образом крепла и закалялась душа растущего.

Умели эти хранительницы детей находить, выбирать такие произведения фольклора, которые оказывали нравственное воздействие на детскую душу, являя примеры благородства и подлости, отваги и трусости, самоотверженной материнской любви и чуткости, сыновнего благородства и мужской доблести. Такой в жизни писательницы А.К. Чертовой была

«Сказка про Ивашечку», которую, услышав от няни, она особенно любила. А поскольку ребенку свойственно становиться на сторону слабых и обиженных, то и в его душе такие примеры пробуждали добрые чувства, стремление к справедливости и правде. Слово няни поддерживало и потом, уже выросших питомцев, позволяя им справляться с проблемными ситуациями. Той же А.К. Чертовой запомнилась еще одна сказка – про Лютонюшку: «И она рассказала, как жили дед да баба, и у них не было детей, и как старуха горевала об этом. Однажды, сидя у печки, раздумалась старуха о том, что, вот, кабы у них был сыночек, да назвали бы они его Лютонюшкой, сидел бы он около нее на скамеечке, а она бы ему сказки рассказывала... И в это время входит в избу старик ее со связкой дров и, подойдя к печке, швырнул охапку дров к ногам старухи. “Ахти!” – разохалась, расплакалась старуха, схватившись за голову. “О чем ты, старая, плачешь?” – “Да как же мне не плакать, – отвечает старуха, – ведь кабы был у нас сынок Лютонюшка, да сидел бы он тут вот около печки, а ты бы швырнул так вязанку дров, так ты бы его убил бы на месте!..”» [9, с. 290]. Учила сказка не придумывать себе беду, не воображать ее беспричинно, не расстраиваться заранее, по пустякам, и не лить понапрасну слезы. «И потом в жизни, – признавалась автор мемуаров, – много раз я вспоминала эту нянину сказку, когда, по присущей моему характеру слабости, волновалась воображаемыми страхами» [Там же, с. 291].

Интересное свидетельство о том, как память о рассказах, сказках кормилицы-няни определяла процесс рождения его собственных произведений, оставил в своей книге

«Подстриженными глазами» замечательный сказочник А.М. Ремизов. В главе «Первые сказки» писатель вспоминал: «Каких только сказок я не наслушался в те первые мои годы! И о “семивинтовом зеркальце” – что-то вроде пятигранного камня, талисмана Ала-ад-дина: если его повертывать, увидишь весь мир, все земли, и куда ни захочешь, вмиг перенесет тебя на то место и без всяких ковров-самолетов, только скажи куда; и о волшебном “глазе”: его, обернув в салфетку, надо хранить в чистой тарелке, и когда надобно, вставь в свои “пялки”, и с ним все открыто, – все мысли и желания человеческие будут тебе, как свои. Читая потом записи сказок в этнографических сборниках, я все прислушивался, я искал среди строчек, я хотел вспомнить те первые, и случилось, вдруг слышу – и тогда я писал не по тексту, а с голоса калужской песельницы и сказочницы, Евгении Борисовны Петушковой» [11, с. 28]. Более того, в образе этой нянюшки представляла для А.М. Ремизова «сама русская земля», являясь во всем своем очаровании и красе: «И вся-то в цветах, праздничная! – ленты, бусы, кокошник, прошивы, кружева – ее поле, ее лето – ее “лелю” и ее “ладо” – от Ивана Купала до Ильина дня. Я счастлив, что родился русским на просторной, полной до краев, глубокой бездна, как океан, русской земле Льва Толстого и Достоевского в ее сердце – Москве с освященным в веках Кремлем, “красным звоном”, напевной московской речью, и русская кормилица меня выкормила и научила меня ходить по земле» [Там же, с. 24]. Память об этой чудесной женщине, свои чувства к ней писатель сберег до конца жизни. Многие было им утрачено в тяжелые годы револю-

ции, эмиграции, а карточка, на которой он, семимесячный, был снят вместе с кормилицей-няней, уцелела. Но даже, по его признанию, если бы она, карточка, и погибла, образ волшебной рассказчицы все равно остался бы с ним: он «живет для меня, – писал Алексей Михайлович, – в моих книгах-сказках: *Докука и балагурье* и *Русские женщины*. А с ними неотделим образ: Россия» (курсив автора. – Н.Д.) [Там же, с. 24].

Надо признать, что не каждая из нянь отличала «золото» от подделки и могла одарить своих детей подлинным богатством народной поэзии. Но, судя по множеству благодарных отзывов питомцев о полученных от своих первых воспитательниц основ национальной культуры, мы можем утверждать, что подавляющее их большинство чувствовало душу народа-художника, понимало, ценило подлинную красоту его устной словесности, а потому они и детям ее доносили и открывали. В своем окормлении тех, о ком радели, няни использовали фольклорные произведения разных жанров⁵, эмоционально воздействуя на многие струны детской души. Народное слово развлекало детей, утешало и утишало, согревало любовью и нежностью, пробуждало их фантазию и воспитывало, преподносило необходимые жизненные уроки.

Знакомство с такой богатой хорошими примерами воспитательной деятельностью русской няни закономерно выводит на вопрос: а умеем ли мы, взрослые, сегодня так разговаривать с детьми, так влиять на их воображение, обогащать их чувственный

⁵ К сожалению, объем статьи не позволяет ввести в нее материал об активном бытовании в среде нянь демонологических рассказов и особом внимании к ним детей.

мир, так помогать им в постижении наследия народа, открывая в нем стремление к утверждению в жизни идеалов добра, мужества, стойкости?! И вот какие возникают по этому поводу размышления. В наши дни о равнодушии детей к книге, родной истории говорят почти все. Но обвинять их в отсутствии интереса к чтению, народной культуре в том числе, легко, а с себя спросить не всегда получается. Ушли из нашей жизни и нянины сказки, и традиции семейного чтения, бесед с детьми по важнейшим жизненным проблемам. Все на ходу, на бегу, в суете... А потому и начинаем договариваться до того, что уж и сказки народные детям не нужны, что многие из них «устарели морально», – так, например, утверждает детская писательница Е. Матюшкина в интервью корреспонденту «Вечерней Москвы»⁶. А отвечая на вопрос, «какие же сказки нужны сегодня детям», дала такие советы-рекомендации: первое – «простые, адаптированные для их “скоростного восприятия”». Из этого суждения напрашивается вывод: детям следует давать сочинения, над которыми и думать не надо и героям которых сопереживать не обязательно! А как же понимать иначе, если «скорость» – главное? Во-вторых, считает она, надо разворачивать сказочные действия «в понятном мире, среди понятных вещей». Иными словами, убрать самый важный элемент сказочного мира – его чудо, тайну, волшебство, загадочность. Как тут не вспомнить тех, кто в 20-е годы прошлого века также предлагал «заменить народные нереальные, фантастические сказки простыми, взятыми

из мира действительности и природы!» [15, с. 423]. Именно против таких деятелей от педагогики и выступал тогда К.И. Чуковский. Требования «ярких противниц сказок» он изложил в книге «От двух до пяти» (глава «Борьба за сказку»): «Никаких уступок, никаких послаблений! Выбросить все без исключения сказки, былины, весь русский и всемирный фольклор!» Эти взгляды поэт-сказочник охарактеризовал как «мракобесные теории» [15, с. 423]. Как видим, их сторонники не перевелись и сегодня. Есть и еще одна, третья, рекомендация писательницы Е. Матюшкиной. По ее мнению, «сложным образам в сказке делать нечего». Понимаем это так: а зачем нашим детям «утруждаться»? Зачем им над чем-то задумываться? Дайте им простенькое – «низкокалорийный продукт» – вон его сколько на книжном рынке (слова самой сторонницы этих суждений!). Она и рецепт приготовления этого продукта придумала: «Взять немного текста, написать легко и с юмором, приправить большими картинками, добавить лихой сюжет, заданий и игр», – вот и полюбят дети чтение! Вначале, после прочтения этих советов, показалось: шутит автор! Ан нет! Все вполне серьезно: не надо хвататься за свое «вчера» (старье же!), не надо ничего усложнять («чем проще, тем лучше»), а стоит уступить дорогу Смешарикам и им подобным персонажам.

Хорошо бы новомодным сочинителям знать заветы классиков детской литературы, том числе и в связи с советами по чтению «низкокалорийных продуктов» (другие-то наши дети, считают они, «не переварят»). Вот о чем, в частности, предупреждал А.Н. Толстой: «Писатель никогда не должен <...> спускаться до уровня понимания ребенка, приседать перед

⁶ Крученко О. Наскучили мамы сказки // Вечерняя Москва. 2020. № 33. С. 27.

ним и притворяться, что он сам маленький. Ребенок всегда посмотрит на такого писателя с большим удивлением: “Чего ты, дяденька, передо мной ломаешься?” Ребенок всегда хочет лезть вверх. Ему всегда импонирует взрослый человек, потому что он сам хочет быть взрослым. *Не нужно бояться, что ребенок чего-то не поймет, – непонимание всегда есть импульс к творчеству. Не поймет, так спросит»* [14, с. 381–382]. Автор «Детства Никиты», «Приключений Бурагино», как и другие замечательные детские писатели, всегда ориентировался не на малые способности детей, а на большие, верил в них, тянул вверх, а не опускал до уровня потребителя легкого, приправленного картинками, простенького чтения.

А о том, зачем нужны ребенку поэтические плоды народного творчества, вбирающие в себя и чудесный вымысел, и невероятную фантастику, и подлинную жизнь человека, хорошо сказал И.А. Ильин: «Сказка будит и пленяет мечту. Она дает ребенку первое чувство героического – чувство испытания, опасности, призвания, усилия и победы; она учит его мужеству и верности; она учит его созерцать человеческую судьбу, сложность мира,

отличие “правды и кривды”. Она заселяет его душу национальным мифом, тем хором образов, в которых народ созерцает себя и свою судьбу, исторически глядя в прошлое и пророчески глядя в будущее. В сказке народ схоронил свое возжеленное, свое ведение и ведовство, свое страдание, свой юмор и свою мудрость. Национальное воспитание неполно без национальной сказки» [3, с. 204]. Именно поэтому и сегодня актуальным и для родителей, и для современных нянь, и для любого учителя остается призыв известного русского историка, педагога В.Д. Сиповского: «*Дайте же детям хоть немного подышать чистой поэзией, доступной для них; не душийте их только статейками, нарочно и хитроумно придуманными разными составителями хрестоматий для растягивания во все стороны мыслительной способности детей. Дайте им пожить хоть немного той жизнью, какую жил и живет народ, полепетать той речью, которая создана людом, не учившимся в школе ни спряжениям, ни склонениям. Пусть дети, а потом и юношество побудут побольше в чарующем мире поэзии, и вы увидите, что у них тогда найдется, о чем говорить, и заговорят они живым словом...»* [13, с. 160].

Библиографический список

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М., 2000.
2. Дурылин С.Н. Собрание сочинений: В 3 т. М., 2014.
3. Ильин И.А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., 1996.
4. Имшенецкая М.В. Забытая сказка. Письма об ушедшей любви, об ушедшей России. М., 2018.
5. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В.М. Кожевникова и П.А. Николаева. М., 1987.
6. Лодыженская О.С. Ровесницы трудного века: Страницы семейной хроники. М., 2017.
7. Мельников М.Н. Детский фольклор. М., 1987.
8. Михневич В.О. Русская женщина XVIII столетия. М., 1990.
9. Няня. Кто нянчил русских гениев / сост. В.Н. Тороповой. М., 2017.
10. Пушкин А.С. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. М., 1974.
11. Ремизов А.М. Собрание сочинений. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М., 2000.

12. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. Т. 1. М., 1965.
13. *Сиповский В.Д.* О развитии дара слова у детей // «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!..» Классики и современники о русском языке. Антология / сост. Г.Н. Красников. М., 2013.
14. *Толстой А.Н.* О литературе. Статьи, выступления, письма. М., 1956.
15. *Чуковский К.И.* Стихи и сказки. От двух до пяти. М., 1981.

References

1. Dal V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Vol. 3. Moscow, 2000. (In Russ.)
2. Durylin S.N. *Sobranie sochineniy: v 3 t.* [Collected works in 3 vols.]. Vols. 1–3. Moscow, 2014. (In Russ.)
3. Ilyin I.A. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1996. (In Russ.)
4. Imshenetskaya M.V. *Zabytaya skazka. Pisma ob ushedshej lyubvi, ob ushedshej Rossii* [A forgotten tale. Letters about gone love, about gone Russia]. Moscow, 2018. (In Russ.)
5. *Literaturnyj enciklopedicheskiy slovar* [Literary encyclopedic dictionary]. V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev (eds.). Moscow, 1987. (In Russ.)
6. Lodyzhenskaya O.S. *Rovesnicy trudnogo veka: Stranicy semejnoy khroniki* [Peers of difficult age: Family chronicle pages]. Moscow, 2017. (In Russ.)
7. Melnikov M.N. *Detskij folklor* [Children's folklore]. Moscow, 1987. (In Russ.)
8. Mixnevich V.O. *Russkaya zhenshhina XVIII stoletiya* [Russia woman of XVIII century]. Moscow, 1990. (In Russ.)
9. Nyanya. *Kto nyanchil russkix geniev* [Nanny. Who was the nanny of Russian geniuses]. V.N. Toropovoy (ed.). Moscow, 2017. (In Russ.)
10. Pushkin A.S. *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected works in 10 vols.]. Vol. 2. Moscow, 1974. (In Russ.)
11. Remizov A.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 8. *Podstrizhennymi glazami. Iveren.* Moscow, 2000. (In Russ.)
12. *Saltykov-Shchedrin M.Y.* *Sobranie sochineniy: V 20 t.* [Collected works in 20 vols.]. Vol. 1. Moscow, 1965. (In Russ.)
13. *Sipovsky V.D.* On the development of the gift of word in children. «*I my sohranim tebya, russkaya rech, velikoe russkoe slovo!..*» *Klassiki i sovremenniki o russkom yazyke. Antologiya.* G.N. Krasnikov (ed.). Moscow, 2013. (In Russ.)
14. *Tolstoy A.N.* O literature. *Stati, vystupleniya, pisma* [About literature. Articles, speeches, letters]. Moscow, 1956. (In Russ.)
15. *Chukovsky K.I.* *Stihi i skazki. Ot dvuh do pyati* [Poetry and fairy tales. From two to five]. Moscow, 1981. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.02.2021, принята к публикации 25.03.2021
The article was received on 25.02.2021, accepted for publication 25.03.2021

Сведения об авторе / About the author

Дворяшина Нина Алексеевна – доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник лаборатории литературоведческих и лингвистических исследований, Сургутский государственный педагогический университет

Nina A. Dvoryashina – ScD in Philology, Associate Professor; Chief Research Fellow at the Laboratory of Literary and Linguistic Studies, Surgut State Pedagogical University

E-mail: dvoryashin@bk.ru